

К р у г

Бесѣда четвертая, 2 декабря 1935 года.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, И. Бунаков, В. Варшавский, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, Л. Кельберин, Д. Кнут, мон. Марія, В. Мамченко, К. Мочульский, Г. Раевский, С. Савельев, Ю. Софиев, Ю. Терапиано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновский.

Вступленіе к бесѣде сдѣлал К. Мочульскій сообщеніем на тему: «Христіанство и міръ».

Переживаемая нами критическая эпоха поставила перед міром проблему христіанства с остротой, неслыханной с первых вѣков христіанства... Существует противопоставленіе — без міра со Христом, или с міром без Христа. С особой болѣзненностью ощущал это противопоставленіе В. Розанов. Он углубил его до степени, сближающей нѣкоторыя высказыванія Розанова с манихейством. В русской богословской литературѣ эти настроенія не новы. Русская церковь знала в 19-ом вѣкѣ писателей, которых эта проблема занимала не меньше Розанова (Аскоченскій, Бухарев и др.). Утвержденіе, что мір и христіанство внутренне враждебны, пришло к нам с Востока. Но оно встрѣтило мощныя противоположныя теченія. Во Христѣ божеское и человѣческое существуют нераздѣльно. Самое их противоположеніе немислимо, ибо мір есть замысел Божій; он в Богѣ от вѣка. Между послѣдним грѣшником и Христом существует единство природы, — человѣческое всегда причастно божественному. Личность человѣка абсолютно непонятна без Христа. Антропология должна быть неизбежно связана с теологіей: всякій человѣкъ есть в известном смыслѣ богочеловѣкъ. Послѣ вознесенія Христос не покинул земли. В чем же основная сила и сущность христіанства? Она в воскресеніи, дарованном всѣм людям. Трагедія Розанова в том, что он не мог заставить себя повѣрить в реальное воскресеніе, в конкретную побѣду над смертью. Попытка оправдать мір без воскресенія — трагична и безнадежна. В. Розанов пытался заслониться от смерти полом. Тайна побѣды над смертью во Христѣ, т.-е. в любви. Заповѣдь любви не имѣет моральнаго характера; сущность любви — мистическая, она одна в состояніи попрасть смерть. Любовь в мистическом смыслѣ есть самоотдача и крест. Мір спасает от гибели и смерти чистая любовь.

Не слѣдует узко понимать аскезу. И творчество в глубинных

основах своих аскетично. Культура, как динамика духа, также аскетична. Человѣкъ должен отдаться творимому до конца, истечь ради него кровью; это и будет подлинным творчеством. Культурный процесс есть созрѣваніе міра для конца. Переход в Царствіе Небесное есть благая и неизбежная катастрофа. Противопоставленіе христіанства міру порождено міроненавистническими настроеніями, чуждыми Любви — Христу.

Многочисленныя возраженія докладчику сводились в общем к слѣдующему:

Если идеи К. Мочульскаго представляют истинное православіе, тогда понятны и В. Розанов и протестантизм. Нельзя отрѣзать человѣчеству путей к спасенію внѣ глубоких, но очень суженных концепцій докладчика. Во имя односторонне понятой любви обрекается на гибель большая часть человѣчества. Христос есть любовь и одновременно безсмертіе. По мнѣнію докладчика для тѣх, кто не почувствует реальности воскресенія Христа, міра нѣтъ, творчества нѣтъ, исчезает самая «личность» в человѣкѣ. Тема Евангелія и Христа шире и богаче, чѣм думает докладчик.

Можно усумниться в утвержденіи, что всякое творчество аскетично. Наличіе аскезы мы находим в творческом процессѣ многих художников, но она не обязательная предпосылка для всякаго творчества. Мог ли бы творить художник, если бы был увѣрен, что земное творчество есть лишь подготовка к благодатной катастрофѣ — к Царствію Божію? Не является ли главным стимулом к творчеству глубочайшая подсознательная увѣренность, что все, создаваемое художником — вѣчно, на вѣчной землѣ, с ея вѣчной же, чисто земной, тварной жизнью?.. Процессы творчества у Бетховена были аскетичны, но самая сущность его творчества меньше всего была подготовкой к Царствію Божію. Рай на землѣ больше стимулирует подвиг, самоотдачу и крест художника, чѣм рай в небесах.

Слова «царство Мое не от міра сего» не допускают гуманных и условных толкованій. Преодолѣніе міра на пути ко Христу было путем к спасенію для множества святых. Их міроненавистничество относилось к міру, самая подоснова котораго есть стихія зла, к міру, гдѣ власть Князя Тьмы болѣе понятна людям, чѣм власть Христа.

Гоголь отрицал разрыв между міром и христіанством. Христос и мір для него были едины; это, однако, не спасло его от трагических коллизій. Дѣло, повидимому, в способности духа к преображенію, а не в сознаніи слитности Христа и міра.

Преображеніе духа влечет за собой преображеніе плоти. Каждый хоть раз в жизни, хоть на мгновеніе испытал эту способность духовной сущности преобразиться. Ощущеніе восторга в слияніи духа со вселенной, ощущеніе реального безсмертія близкаго человѣка, покинувшего земной мір — развѣ в этом душевном опытѣ не заклю-

чается обѣтованіе полного преображенія и плоти и духа, побѣды любви над смертью, соединенія Христа с міром?

Бесѣда пятая 16 декабря 1935 года.

Присутствовали: Г. Адамович, А. Алферов, Н. Бердяев, Блох, И. Бунаков, В. Варшавскій, В. Вейдле, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, мон. Марія, В. Мамченко, К. Мочульскій, Г. Раевскій, С. Савельев, Ю. Терапіано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Вступленіем к бесѣдѣ послужили мысли Г. В. Адамовича, изложенныя им в статьѣ «Уединенная прогулка» в 58-ой книгѣ «Современныхъ Записокъ».

Доводы возражавшихъ сводились к слѣдующему:

Статья Г. В. Адамовича посвящена темѣ, постоянно его занимающей, — одиночеству и смерти и, как всегда, не ясно его отношеніе к смыслу одиночества и к преодолѣнію смерти. Является ли одиночество одним из «высшихъ» состояній или это упадок, болѣзнь, отвѣтъ смерти?.. Статья не дает отвѣта. Слѣдует всегда помнить о безчисленном количествѣ оттѣнков, которые вкладываются в понятія «одинокій», «одиночество». Есть одиночество угасанія, полного отхода от міра, брезгливаго и предумышленнаго закрыванія глаз на мір, гдѣ копошатся «они». Но есть и другого рода одиночество, о существованіи котораго автор не знает или не говорит. Это одиночество пророческое. Одиночество противостоянія, одиночество борьбы. В нем меньше эстетическаго наркоза, погруженія в ослабляющую и слабостью рожденную стихію отреченія. Но красоты — в самом возвышенном и цѣлительном смыслѣ этого слова — в нем не меньше. Собственно, если отнять у «одиночества» Г. В. Адамовича его эстетическіе моменты и гордыню отверженія, то что останется?.. Небытіе, отказ от себя, распад высшаго состоянія человѣка — его своеобразія, единственнаго и неповторимаго, выявляемаго в общеніи с собой подобными. Это своеобразіе как бы преодолевается той атмосферой, в которую погружает человѣка Г. В. Адамович. Перед лицом смерти меркнут всѣ различія и очертанія сливаются с сумерками, окутывающими человѣка, в послѣдней и абсолютной оторванности от земли и неба приготавливающагося к смерти.

Не для всѣхъ приемлем отказ и послѣдній уход Аміеля, котораго цитирует в своей статьѣ Г. Адамович. Есть и другіе отвѣты на тот-же вопрос. Итальянскій шестнадцатилѣтній святой — Людовик Гонзаго на вопрос, что бы он сдѣлал, если бы ему сказали, что вот сейчас

настанет Страшный Суд — отвѣтил: «Я продолжал бы играть в мяч». Эта ясность, готовность каждую минуту пріять неотвратимое полярна и фатализму и уходу в одиночество. В ней скорѣ дана величайшая сила преодоленія одиночества, высшая, мистическая радость. Смерть надвигалась на Гоголя своей самой жуткой тѣневой стороной, и он напрягал всѣ силы для борьбы с ней. По Г. Адамовичу происходит поляризація русскаго духа: на примитивное довольство осязаемой конкретностью с атрофіей самаго органа, воспринимающаго неземное звучаніе, что особенно ярко сказывается в Россіи наших дней и на обреченных осязать собственное и чужое угасаніе, необычайно чутких к музыкѣ — «дочери одиночества». Но изсыханіе и духовная смерть неизбежны и там и здѣсь, если и там и здѣсь ничто не измѣнится. Необходимо искать выход и для них в Россіи и для нас, здѣсь. Если отдѣлить музыку от жизни, не будет ни музыки, ни жизни. Творческая жизнь писателя не может быть наполнена обольщеніями одиночества; она неизбежно, чтобы не перестать быть жизнью и быть творчеством, должна стать борьбой со стихіей музыки — смерти.

Примитивная, грубая жизнерадостность совѣтской молодежи, их топорная цѣльность и глухота к музыкѣ жизни вряд ли могут быть преодолены. Это явленіе не специфически русское. Скорѣ это один из признаков омертвленія культуры, наблюдаемой и здѣсь на Западѣ, главным образом в странах диктатуры. Слѣдует осторожнѣ примѣнять к этому явленію опредѣленіе «радость жизни». Механический, извнѣ прищипываемый энтузіазм, наблюдаемый в Германіи, Россіи, Италиі, далек от подлинной, органической сущности «радости». Но и пониманіе творчества, как своеобразный отказ от творящаго и преодолевающаго начала в человѣкѣ — противорѣчиво и в самой основѣ своей порочно. Нельзя назвать творчеством отказ от самого себя. Проповѣдывать такое состояніе значит отравлять истоки творчества, обезсиловать способность к нему.

В статьѣ Г. В. Адамовича можно уловить новый звук, чуждый его прежним писаніям. В ней чувствуется нѣкій поворот к жизни через любовь к ней. Здѣсь никто из возражавших не произнес слова «любовь». Между тѣм она чувствуется в статьѣ, как далекая возможность, мелькающая сквозь безысходность и безнадежность. В настроеніях Г. Адамовича не «amor fati», а мучительное исканіе. Душа, самоуслаждающаяся ощущеніем гибели, не могла бы быть столь ищущей и безпокойной.

Бесѣда шестая, 3 февраля 1936 года.

Присутствовали: Алферов, Бердяев, Блох, Бунаков, Варшавскій, Вейдле, Дикой, Кнут, мон. Марія, Мамченко, Мочульскій, Савельев,

Сирин, Софіев, Терапіано, Федотов, Фельзен, Червинская, Шаршун, Яновскій.

Вступительное слово Н. А. Бердяева: «Мысль изреченная есть ложь».

Смысл известнаго стиха Тютчева до сих пор до конца не понят и вызывает различныя толкованія. Ясна лишь специфическая «русскость» утверждения Тютчева. Дюбос — человек, отнюдь не замкнувшийся в сферѣ чисто французской культуры, отличающийся исключительной чуткостью к цѣнностям других культур, сказал, что ему чужды и непонятны слова Тютчева. Для него реально только то, что выражено. Невыраженное не существует. Между тѣм для нас русских неизреченное является подлинной реальностью. Здѣсь основное различіе в пониманіи и оцѣнкѣ мысли в Россіи и на Западѣ. В отличіе от Запада в Россіи мысль не ощущается как благороднѣйшее проявленіе высших свойств человека. Самое понятіе «интеллектуальный» в небреженіи, как нѣчто поверхностное и пустое. Многие усматривают в этом особую глубину и требовательность русскаго духа; между тѣм здѣсь кроется глубочайшій обскурантизм, питающійся из четырех источников: религіознаго, моральнаго, социальна-политическаго и эстетическаго.

Особое пониманіе христіанства в духе восточно-сирійскаго аскетизма сыграло огромную роль в формированіи русской души. Его далекій отзвук мы находим даже в нигилизмѣ 60-ых годов. С этим связана и склонность оцѣнивать людей по их моральным, а не интеллектуальным качествам. Народнический социализм был враждебен культу знанія, как нѣкоей привилегіи, к тому же отвлекающей от борьбы за освобожденіе народа. Наконец, обскурантизм эстетическій имѣет своим источником убѣжденіе, что только на путях искусства, может быть выражено самое интимное и сокровенное.

Западное христіанство выросло на почвѣ античнаго гуманизма, в Россіи же оно смѣнило исконное язычество. Даже русское безбожіе питается другими источниками. На Западѣ атеизм был чисто интеллектуальным, в Россіи же он сроден маркіонизму: это возстаніе против Творца, как создателя міра во злѣ (Бакунин).

Тютчев не хотѣл, конечно, сказать, что всякая выраженная мысль есть ложь, но что послѣдняя правда, послѣдняя тайна духа невыразима. Каково же соотношеніе между душевным переживаніем и мыслью? Мысль есть побѣда духа над душевной стихійностью и душевным хаосом. Мысль активна. Одному Розанову удавалось преодолевать активность мысли. Он как бы не совершал творческаго акта между переживаніем и его оформленіем: ему дан был изумительный дар передавать переживаніе «в сыром видѣ», как бы кусок души. Но Розанов исключеніе. Неизбѣжный отбор при переходѣ переживанія или ощущенія в мысль Тютчев и называл ложью. Наибо-

дѣе близка к «правдѣ» в тютчевском смыслѣ — лирическая поэзія. А. Блок весьма характерен для своего поколѣнія: в нем как бы не рожден Логос, всегда борющійся с космосом. Между тѣм лишь в Логосѣ рождается человѣческая личность. Защитники «неизреченности» ссылаются на музыку. В тягѣ к музыкѣ тѣх, кто отвращается от стихій мысли скрыто непониманіе самаго существа музыки: ся основа логична и математически стройна и закончена. Менѣе всего воплощает она хаос.

Не только обскурантизм рождает в русской душѣ подозрительную настороженность к мысли. Русской душѣ близок идеал иѣмоты, как святости. Западный католицизм не мыслит неизреченной святости. Несмотря на то, что Россія 19-го вѣка создала величайшую литературу, великим русским писателям было свойственно ощущение, что в творествѣ кроется соблазн, уводящій от подлинной правды. Лермонтов, в поисках путей к спасенію, мечтал отречься «от страшной жажды пѣснопѣнья». Ему не доступно сознание, что для своего спасенія он прежде всего не должен зарывать в землю свой творческій дар.

Проблема «изреченности» имѣет и социальное значеніе. Слово есть самое могучее средство человѣкообщенія и организаціи общества. Самая мысль имѣет социальную природу. Признание невозможности выразить мысль в словѣе есть отказ от мысли и от общенія с ближними. Самое стихотвореніе Тютчева доходит до нас лишь как изреченная мысль. Бытіе может быть познаваемо и выражено вслѣдствіе соответствія бытію цѣлостной личности. Мысль есть неотъемлемая часть человѣческаго бытія, она проникнута его тайной и в силу этого не может быть ложью.

Возраженія додладчику сводились к слѣдующему:

Возможно, что Тютчев возставал не против самаго оформленія мысли, но против **несовершеннаго** оформленія. Слово не точно, оно нечистый знак. Художнику свойственно страданіе от неполнаго воплощенія образа или ощущенія в выраженную им мысль, но это не означает отрицанія самой возможности выраженія мысли.

Мы все чувствуем несовершенство и неадекватность слова. Это не значит, что мы должны прійти к отказу от мысли в познаниі міра. Надо лишь ощущать границы познающаго разума. В каждом выраженном словѣе есть отзвук образа и міа. Міа в словѣе ниже разума, но одновременно он и выше, ибо соприкасается с другими мірами. Творческій акт челоѣка ограничен и не является путем к спасенію. Спасенія мы ищем не в разумѣ, а в эмоціях. Путем спасенія всегда был и всегда будет эмоциональный паос слиянія с Богом.

Несомнѣнно, всегда будет ранящее челоѣка противорѣчіе между творческим актом и его воплощеніем. Но челоѣк послан в мір

для творческих воплощений и величайшим грѣхом, отрицаніем собственнаго назначенія является уклоненіе от творчества из одного сознанія его несовершенства.

Беседа седьмая, 23 февраля 1936 года

Присутствовали: Алферов, Блох, Бунаков, Варшавскій, Вейдле, Гершенкройн, Кельберин, Кнут, Ладинскій, мон. Марія, Мандельштам, Мочульскій, Савельев, Сири, Терапиано, Фельзен, Федотов, Червинская, Шаршун, Яновскій.

Вступительное слово Г. П. Федотова: «Святость и творчество».

В «Кругѣ» — собраніи писателей и поэтов — приходится защищать не святость, а творчество. С точки зрѣнія христіанской не легко защищать творчество, но и святость — понимаемая как метод уединеннаго спасенія — не дана Евангелием: путь этот привит церкви греческой мыслью. Тема Евангелія — не одиночество, а общеніе. Труд, созиданіе как элементы повседневной жизни, ближе Ветхому Завету. Они не отмѣняются христіанством, а им предполагаются. Вѣдь отказ от труда погубил бы самую возможность жизни. Есть уровень культуры, ниже котораго невозможно и само христіанство. При исчезновеніи, напримѣр, грамотности христіанство может выродиться в фетишизм. При этом падает неизбежно и святость. Святость вѣдь можно понимать, как утонченную форму творчества, направленного на самого человѣка.

Почему человѣкъ поставлен Богом продолжать твореніе, вызывать к бытію новые міры, реализуемые в человѣческой культурѣ?. Каково отношеніе христіанства к этому творчеству?. Христіанство подходит к данности во времени как к міру объектов. В этом мірѣ Христос должен быть распятым. Тема творчества станет христіанской, если в самом творествѣ будет воплощено распятіе и воскресеніе. Воскресеніе на крови — вот на чем должно строиться творчество. Его задача — созерцаніе распятія, искупленія и воскресенія в мірѣ идеальном, т.-е. ангельском.

Самыя существенныя возраженія докладчику сводились к слѣдующему:

Нельзя смѣшивать тѣх разных планов, в которых коренятся святость и творчество. Творчество остается в кругѣ жизни, между тѣм как святость есть уход от жизни, влеченіе к совершенству Небеснаго Отца. Святость уводит из сознанія трех измѣреній в сознаніе четырех измѣреній.

Главное побуждение к творчеству — стихийное, не связанное с религией: иррациональное стремление к добру. Творчество есть высший подвиг, высшее проявление духа на землѣ. Оно присуще в одинаковой мѣрѣ и христіанам, и язычникам, и людям внѣ-религиозным (Шекспир, Монтэнь). Несомнѣнно существует и внѣхристіанская святость.

Утверждение, что в будущем мыслимо лишь творчество христіанское — невѣрно. Нельзя, конечно, отрицать неизмѣримых благ, данных человечеству христіанством. Допустимо вѣрить, что всегда так будет, но доказать этого нельзя. Нынѣшнее христіанство истончилось, оно является духовным путем и духовным упражнением избранных. Религіей народа и стимулом к его творчеству может стать и язычество.

Не слѣдует стилизовать святость под «дурковатость». Такое ощущение святости совпадает с крайним христіанским обскурантизмом. Вся постановка вопроса: святость или творчество — искусственна. Путь творчества соприкасается со святостью. Не бывает зла в красотѣ и убожества в святости. И святость и творчество созидают из бессмыслицы жизни ея о б р а з. Возврат в покинутый или потерянный рай — через творчество или через святость. Не слѣдует забывать ни на минуту, что одно из имен божіих — Творец. Христіанство не исчерпывается Евангеліем — оно есть совокупность всего неизмѣримаго творчества, им вызваннаго.

Утверждение, что линия христіанства и линия творчества не сходятся, невѣрно в самой своей основѣ. Христіанство не только творит, но и призывает к творчеству. Первые вѣка христіанства исполнены огромнаго творческаго паѳоса. Есть люди, лишенные блага общенія с ближними и среди святых: никто не станет отрицать ненависти к міру и к дѣланію в нем у аскетов. Но сирійское монашество ближе к неоплатонизму, чѣм к христіанству. Критическая эпоха, в которой нам суждено жить, раскалывает мір на пріемлющих Христа в мірѣ трех измѣреній и его не пріемлющих.

Творческій акт есть неизбежное осуществление своей судьбы. Между тѣм как путь праведника — акт произвола. Разница в том, что праведник знает, чего он хочет, а творец не знает. В полѣ творчества весь мір, но оно ничего не разрѣшает.

В мірѣ теперь явно чувствуется разложение христіанства на его составныя части — на эллинизм и иудаизм. Мы присутствуем как при возрожденіи иудаизма, отрицающаго в христіанствѣ эллинизм. Иудаистическое богословіе умерщвляло природу. Многим христіанам поэтому больше по пути с Платоном, чѣм с Христом, но всякая попытка реставраціи язычества осуждена на неудачу. Нео-язычество есть попытка воскресить труп.

Беседа восьмая, 9 марта 1936 года.

Присутствовали: Бунаков, Варшавский, Вейдле, Гершенкройн, Кельберин, Кнут, Ладинский, мюн. Марія, Мандельштам, Савельев, Софiev, Терапиано, Федотов, Фельзен, Червинская, Шаршун, Яновский.

Вступительное слово В. С. Варшавского.

РАМАКРИШНА И ЕГО УЧЕНИК ВИВЕКАНАНДА

Все имѣют какое-то, хотя бы отдаленное, представленіе о Ганди. Но русским осталось почти совсѣмъ неизвѣстнымъ имя Рамакришны, великаго духовнаго будителя Индіи и одного изъ тѣхъ всечеловѣческихъ геніевъ любви, души которыхъ какъ мистическія солнца, сіяютъ въ темной ночи людской жизни.

Человѣкъ этотъ родился в 1836 г. в бѣдномъ и благочестивомъ семействѣ. Ему было 6 лѣтъ, когда онъ увидѣлъ летящихъ в синемъ небѣ бѣлоснѣжныхъ журавлей. Онъ потерялъ сознание и упалъ. С тѣхъ поръ видѣнія и экстазы, все болѣе мистическіе, его посѣщаютъ. Когда онъ священнослужительствовалъ в храмѣ богини Кали, къ нему пришелъ проповѣдникъ Атмана Тотатури — Голый человѣкъ. Онъ открываетъ Рамакришнѣ высшее состояніе индусскаго мистицизма — Нирвинальпа Самади (самый большой экстаз), когда душа оторвавшись отъ всего, что привязываетъ человѣка къ жизни, освобождается отъ подчиненія страшнымъ законамъ Майи и по ту сторону наслажденій и страданій, по ту сторону «маленькой вселенной нашихъ чувствъ и разсудка» соединяется съ единственной реальностью, не имѣющей никакого опредѣленія, пространства, формы, имени. Рамакришна лежалъ недвижимъ какъ мертвое тѣло. — «Вселенная погасла. Уже больше не было самаго пространства. Сначала еще тѣни идей плавали надъ темнымъ дномъ духа. Слабое сознание «я» одно монотонно повторялось... Потомъ и это прекратилось. Осталось только Существованіе... Шесть мѣсяцевъ Рамакришна оставался в состояніи каталептического экстаза.

Но, достигнувъ этой «крыши восхищенія», когда душа, погасившая в себѣ волю жить, тонетъ в безконечномъ блаженствѣ созерцанія Абсолюта, онъ молится богинѣ Кали: «О Мать, помѣшай мнѣ наслаждаться радостью, сдѣлай, чтобы я постоянно оставался в моемъ обыкновенномъ состояніи, чтобы быть болѣе полезнымъ міру. Сдѣлай, чтобы я рождался вновь и вновь, хотя бы в видѣ собаки, если я смогу помочь хотя-бы одной душѣ». Вивекананда, апостолъ Рамакришны, неустанно развиваетъ ту же идею: «Искать собственнаго освобожденія недостойно учениковъ аватара. Если вы ищете собственнаго спасенія, вы пойдете в адъ. Нужно искать спасенія другихъ... И даже если вы, работая для другихъ, должны были бы пойти в адъ, это лучше, чѣмъ достигнуть неба, ища своего собственнаго спасенія... Отдайте вашу

жизнь, чтобы спасти жизнь тѣх, кто умирает; вот сущность религіи». А когда, во время большого голода, унесшаго в центральной Индіи свыше 900 тысячъ человѣческихъ жизней, одинъ благочестивый монахъ стал упрекать его за то, что он не хочетъ бесѣдовать с ним о религіи, Вивекананда с гнѣвомъ ему отвѣтилъ: «Пока в моей странѣ останется хотя бы одна голодная собака, моей единственной религіей будетъ стремленіе накормить эту собаку».

Какъ от порожденнаго сознаніемъ напрасности всякаго человѣческаго равнодушія и от стремленія къ собственному освобожденію произошелъ этотъ переходъ къ пламенной жаждѣ дѣйствія, любви, жертвенной отачи себя на служеніе людямъ?

Христосъ являлся Рамакришнѣ в видѣніяхъ. «Вотъ Христосъ, принесшій жизнь свою во искупленіе людей. Это Исусъ — воплощеніе любви». Не разъ Рамакришна говорилъ, что, если бы онъ жилъ во времена Христа, то не слезами, а кровію своего сердца, омылъ бы его ноги. Человѣкъ этотъ, вѣрившій во всѣхъ боговъ Индіи, становится великимъ «подражателемъ» Исуса Христа. Сочувствіе его страданіямъ людей было такъ велико, что побои и мученія, причиняемые одними людьми другимъ, оставляли физическіе слѣды, кровавые стигматы на его тѣлѣ. Онъ многихъ исцѣлялъ, принимая на себя ихъ страданія, горе и болѣзни. Обращеніе его съ людьми было полно глубоко милосерднаго пониманія, безконечной любви и кротости. Когда воздвигалось новое гоненіе на «нечистыхъ», онъ пришелъ къ одному парю и своими волосами вытеръ полъ въ его хижинѣ. Вивекананда видѣлъ, какъ, стоя на колѣняхъ, его учитель омывалъ слезами ноги уличныхъ проститутокъ. Любовь, исходящая изъ его сердца, обнимала не только людей, но все твореніе Божіе — тяжелый и грубый шагъ по землѣ онъ чувствовалъ проходящимъ по своей груди. Незлобивая, дѣтская веселость, нѣжность, весь исполненный величайшей прелести душевный образъ Рамакришны дѣлаетъ его похожимъ на Франциска Ассизскаго.

Но, принимая полностью и до конца самую сущность христіанства, восплававъ огнемъ мистической любви, и Рамакришна и Вивекананда остаются равнодушными къ той въ значительной степени уже готовой іудео-греческой метафизикѣ, которой христіанство воспользовалось для своего интеллектуальнаго выраженія. Такъ Рамакришна говорилъ: «Богъ находится по ту сторону достижимости разсужденій. Поэтому не спорьте о доктринахъ и религіяхъ, есть только одна: любите вашего ближняго». Вивекананда со свойственной ему страстностью доводитъ эту идею до крайняго заостренія: «Если человѣкъ, никогда не изучавшій никакой философіи, не вѣрящій ни въ какого Бога, не молившійся ни разу въ жизни, одной силой добрыхъ дѣлъ былъ приведенъ къ состоянію готовности отдать за другихъ свою жизнь, и все, что онъ имѣетъ, и все, что онъ есть, то этотъ человѣкъ достигъ вершины религіи».

Только одна «метафизическая идея» лежитъ въ основѣ всего уче-

нія Рамакришны: «Однажды мнѣ открылось видѣніе: одна единственная сущность приняла всѣ формы космоса и всѣх живых существ. Я увидѣл, что все было Дух. Церковная утварь, алтарь, люди, животныя... один Дух. Как сумасшедшій, я стал сыпать с алтаря цвѣты на всѣ вещи, я обожал все, что я видѣл». Но если традиціонный индусскій мистицизм останавливался на ступени созерцанія, то христіанскій, в своей сущности, мистицизм Рамакришны становится полным: не только мысль и чувство, но воля человѣка сливается с волей Бога. — «Когда вы поймете, что все живет, как вы, в Богѣ, вы станете волей могущества и сознанием всего существующаго. Ваша воля станет волей всей вселенной. Человѣкъ, отрѣшившійся от себя, становится отцом реальности, и то, что он творит, не исчезнет во вѣкъ». Эта заложенная в человѣкѣ божественная возможность творческаго могущества должна быть направлена на служеніе людям. — «Воистину Бог есть во всем, но человѣкъ есть наибольшее выраженіе Бога во плоти. Жива есть Сива — живое существо есть Бог. Как можно говорить о милосердіи к нему? Нѣтъ, не милосердіе, но служить, служить ему, смотря на человѣка, как на Бога».

Когда возлюбленный его ученикъ Нарем, которому он открылъ бездну Нирвинальпа-Самади, на колѣнях молил его: «Учитель, я был счастлив в Самади. В моей безконечной радости я забыл міръ. Сдѣлай, чтобы я остался в этом состояніи». Рамакришна сказал ему: «Какой стыд! Я думал, что ты будешь, как огромная смоковница, под сѣнью которой укроются тысячи уставших душ, а ты хочешь оставаться погруженным в твою личную радость, как обыкновенный человѣкъ... Милостью Матери, и в твоём естественном состояніи ты соединишься с единым Богом во всѣх существах, ты совершишь великія дѣла в мірѣ, ты принесешь людям духовное знаніе, ты облегчишь страданія нищих и несчастных».

Принявшій впоследствии имя Вивекананды, Нарем создает новый монашескій орден, странчые монастыри, где больше занимаются социальной, просвѣтительной и благотворительной дѣятельностью, чѣм молитвами и богословіем. Он проповѣдует прежде всего необходимость организаціи, которая распространила бы в Индіи взаимопомощь и взаимопониманіе, на подобіе западных демократій. «В духовном отношеніи американцы стоят ниже нас, говорил он, но их общество гораздо выше нашего... Я обошел пѣшком всю Индію, и для меня было мученіем видѣть ужасную бѣдность и нужду народа. Теперь я твердо знаю, что напрасно проповѣдовать религію несчастным, не облегчив их бѣдности и их страданій... Никто в нашей странѣ не думает об униженных, нищих и несчастных. Гдѣ человѣкъ, который бы сочувствовал им, раздѣлил их радости и страданія?.. На что мы годимся, если не можем им помочь, накормить их и одѣть. Увы! Они не знают путей этого міра и не могут заработать себѣ на жизнь, хотя трудятся день и ночь... На всей поверхности земного шара мас-

сам внушали, что они ничто. Их так запугали в течение вѣков, что они превратились почти в стада животных. Никогда им не позволяли слышать об Атманѣ. Пусть теперь они узнают, что самый низкій из низких имѣет в себѣ Атмана, который не умирает никогда... Очнитесь от гипноза слабости. Душа безконечна, всемогуща, всевѣдуща. Вставайте! Нам нужна религія, дѣлающая людей. Нашей странѣ нужны желѣзные мускулы, стальные нервы, гигантскія воли, которым ничто не сможет сопротивляться... Воля сильнѣе міра, все должно ей уступить, так как она от Бога».

Он указывает на новый незнакомый индусскому мистицизму путь освобожденія: «Религія должна стать дѣйствіем... Жернова міра страшны; мы всѣ вовлечены этой мощной и сложной машиной вселенной. Есть только два пути спасенія. Первый — держаться в сторонѣ... Это легко сказать, но почти невозможно исполнить. Я не знаю ни одного человѣка из 20 милліонов, который был бы способен на это. Конечно, если мы откажемся от нашей привязанности к этой маленькой вселенной чувств и разума, мы станем немедленно свободны. По ту сторону ограниченій закона, по ту сторону причинности цѣпи раба падают. Но кто достигнет полного отрѣшенія? Есть другой путь, не отрицательный, а положительный — броситься в мір и в нем открыть тайну труда. Не стараться бѣжать от жерновов машины, но научиться ими управлять. Это путь Кармайоги, ведущій изнутри міра, но выводящій наружу».

Объясненіе, как открылся душѣ Индіи этот новый путь освобожденія, дает Бергсон: «Прямое дѣйствіе христіанства, как догмы, было почти ничтожным в Индіи. Но христіанство проникает всю западную цивилизацію и все, что она с собой приносит. Самый индустриализм косвенно из него возникает. Это именно индустриализм и наша западная цивилизація раскрѣпостили мистицизм Рамакришны и Вивекананды. Никогда этот мистицизм, пламенный и дѣйственный, не мог бы возникнуть во времена, когда индус чувствовал себя раздавленным природой, когда всякое человѣческое дѣйствіе казалось напрасным. Что дѣлать, когда неизбѣжные глады обрекают милліоны несчастных на смерть? Главный корень индусскаго пессимизма был в этом безсиліи. И этот пессимизм помѣшал Индіи дойти до конца своего мистицизма, так как полный мистицизм есть дѣйствіе. Но приходят машины, увеличивающія производительность земли и позволяющія перевозить ея плоды, приходят также политическія и социальныя организаціи, доказывающія на опытъ, что массы вовсе не обречены на жизнь в рабствѣ и нищетѣ, как на неизбѣжную необходимость: освобожденіе становится возможным в совершенно новом направленіи; мистическій подъем, если он гдѣ-либо достаточно силен, не будет уже остановлен невозможностью дѣйствовать: он уже не будет отброшен к доктринам отреченія от жизни или к практикѣ экста-

зов: вмѣсто того, чтобы погрузиться сама в себя, душа расцвѣтет во всемирной любви».

Но в то время, как на Западѣ христіанскія по своему происхожденію и замыслу начала машинизма и истинной демократіи развивались в борьбѣ против аскетическаго, «не от міра сего», церковнаго идеала, в мистикѣ Рамакришны и Вивекананды эти двѣ, как бы враждебныя друг другу, тенденціи сливаются. И это придает их опыту огромное значеніе, как указаніе на путь, могущій вывести из того страшнаго кризиса, который переживает теперь все человѣчество во главѣ с Россіей.

Русская жизнь во многом напоминает Индію: такое же высокое религиозное вдохновеніе и в то же время жесточайшее кастовое общество, беспощадно попирающее «затылок несчастных» и многомилліонныя народныя массы, обреченныя на страшный труд, голод и рабство. И в самой русской религиозности особенно сильна была именно аскетическая, отрѣшенная от «міра» сторона христіанскаго идеала, отвлеченіе которой дѣлает возможным возникновеніе трагическаго недоразумѣнія: «шопенгауэровскаго» и «розановскаго», похожего на буддизм, христіанства, близкаго теперь очень многим русским людям. Но в отличіе от Индіи, Россія знала и такіе огромные взрывы героической, прометсевской, творческой энергіи, которых не было, быть может, даже и на Западѣ. Нужно повторить, что и на Западѣ рожденная христіанским милосердіем воля к строенію такого могущественнаго машинизма и такой справедливой братской соціальной организаціи, которые сдѣлали бы возможным освобожденіе народных масс, обращенных нищетой, тяжким трудом, голодом и рабством «почти в стада животных», развивалась в значительной степени как религія против аскетическаго идеала христіанства. Бергсон очень хорошо говорит, что по существу это был тот же идеал. Но раньше он был как звѣзда, повернутая к людям только одной стороной. В эпоху возрожденія люди стали видѣть другую сторону, не замѣчая, что это все та же звѣзда.

В Россіи разрыв между людьми, видящими разныя стороны звѣзды, становится еще болѣе глубоким и трагическим. Это чувствовалось уже во времена Петра. Для многих представителей русской религиозности громадное петровское строительство, спасшее Россію от судьбы Индіи, казалось антихристовым. В девятнадцатом вѣкѣ русское освободительное движеніе не только окончательно секуляризируется, но прямо становится яростно безбожным и антихристіанским. Мистическое происхожденіе этого движенія сказывалось только в духовном типѣ нѣкоторых революціонеров, явивших черты истиннаго подвижничества и героической, жертвенной воли служенія благу людей, и в той идеѣ абсолютной, евангельской в своем происхожденіи, справедливости, которая двигала их совѣстью гораздо сильнѣе,

чѣм всякія «научныя», революціонныя міросозерцанія. Трагіческія послѣдствія этого распада русскаго мистицизма на почти уже буддійскую религіозность и на обезбоженную, ставшую антрихристовой и тѣм самым античеловѣчной, волю к земному строительству сказались в страшные, апокалиптические дни революціи. Вѣроятно, Блок был послѣдним русским человѣком, вмѣстившим видѣніе обѣих сторон русскаго мистическаго идеала: и лучей, которые ринутся «оттуда» и «Америки новой звѣзды». Но для большинства по-прежнему это пророческое видѣніе кажется невмѣстимым и невозможным и смысл «Двѣнадцати» продолжает оставаться кощунственным для одних и непонятным, «ненужным» для других.

Возраженія докладчику сводились по существу к слѣдующему:

Докладчик не освѣтил одного интереснаго момента. Рамакришна всю жизнь оставался жрецом богини Кали, самой жестокой по отношенію к живой твари. Он никогда не отрекался от завѣщанной предками религіозной традиціи. Наконец, его душа почти ничего не восприняла из выросшей на христіанствѣ европейской культуры. Что же направило его на путь любви к людям? Почему его не удовлетворил отход от міра и погруженіе в созерцаніе божества?.. Он видит в человѣкѣ воплощеніе Бога. С поразительным спокойствіем проходит он мимо религіозных ученій, близких его новым откровеніям и до конца своих дней остается вѣрен ужасной матери Кали. Он находит какую-то возможность сочетанія надмірнаго Абсолюта с живым Богом любви в мірѣ земных явленій. Этот путь Рамакришны остался для нас невѣдомым и послѣ доклада.

Между Рамакришной и Вивеканандой разница гораздо существеннѣе, чѣм думает докладчик. Вивекананда получил европейское образованіе и скорѣе напоминает соціального реформатора с мистическим уклоном души. Ему важно доброе дѣло само по себѣ. Между тѣм как Рамакришна утверждал, что дурные люди не могут творить добрых дѣл.

Поражает пассивность и безличность индусских божеств. Отсутствіе личнаго Бога для нас непереносимо, и здѣсь индусская религіозная философія нами никогда не будет понята до конца. Религіозная философія индусов не знает чуда, когда личный Бог спасает, исцѣляет, воскрешает даннаго человѣка, вникает в его индивидуальныя скорби. Рамакришна как будто чувствует эту специфичность христіанства, но до конца он ея не продумывает. Бог Рамакришны и Вивекананды ярко свѣтит, но ему не дано согрѣть человѣческую душу. Этот свѣтъ лишен благодати.

Шопенгауер искажил на многія десятилѣтія пониманіе индусской религіозной философіи. Ромен Роллан, писавшій о Рамакришнѣ

и Вивеканандъ, как и всѣ европейцы, не мог уйти от мощнаго вліянія нѣмецкаго философа. Очень жаль, что единственным источником для докладчика был все тот же Ромен Роллан — мыслитель неглубокій и неоригинальный. С его оцѣнками можно и не считаться без особаго ущерба для трактуемаго им предмета. Древняя индійская философія, продолжателем и частично завершителем которой был Рамакришна, полностью сформировалась в дохристіанской древности. Древнее ученіе было пронизано проповѣдью дѣйственной любви. Рамакришнѣ не зачѣм было учиться любви у христіан, — этому достаточно научили его священныя книги его далеких предков. Шопенгауер взял лишь одну сторону индусскаго ученія и как раз наименѣе глубокою. Изумленіе и восхищеніе Романа Роллана тѣм, что Рамакришна проповѣдывал дѣйственную любовь, автоматически передавшіеся докладчику, основаны на недостаточном знаніи древней философіи индусов.

Бесѣда девятая, 23 марта 1936 года

Присутствовали: Блох, И. Бунаков, В. Варшавскій, В. Вейдле, Г. Гершенкройн, Б. Дикой, Л. Кельберин, Д. Кнут, А. Ладипскій, мон. Марія, Ю. Мандельштам, В. Мамченко, С. Савельев, П. Ставров, Ю. Софіев, Ю. Терапіано, Г. Федотов, Ю. Фельзен, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Вступленіем к бесѣдѣ служили мысли Ю. Терапіано на тему «О безуміи разума».

Сознаніе трех измѣреній не может воспринять объективной картины міра. Тезис Бергсона о паличии в человѣкѣ интуитивнаго познанія расширяет самое понятіе о человѣкѣ; полной мѣры его мы еще не знаем, ее нужно еще найти, узнать опытно. Поскольку в отношеніи міра трех измѣреній трехмѣрное сознаніе вѣрно строит свой опыт, область выходящая за предѣлы міра трех измѣреній, требует других методов познанія. В этом смыслѣ сказано: «Если не обратитесь» (буквально — не «перевернетесь») — «не войдете в Царствіе Божіе». Опыт святых и подвижников всѣх эпох, всѣх народов — условіем приобрѣтенія вѣдѣній о вещах духовных ставит прежде всего полный разрыв вступающаго на пути подвига с «мудростью вѣка сего», с мірской психологіей, требует внутренняго перерожденія.

Как наличие трехмѣрнаго сознанія не отмѣняет для нас сознанія одного и двух измѣреній, точно так же и наличие сознанія высшаго не отмѣняет разума, но лишь сосредотачивает человѣка в фокусѣ состоянія высшаго. Конфликт между «вѣдѣніем» и «разумом» — не существенен; отрицаніе «умствованій вѣка сего» у святых мы должны понимать в том смыслѣ, что представленіе о духовном мірѣ, до-

ступное сознанию трех измерений, относительно, и что за нашим «земным знанием» есть возможность более полного «научения от Духа».

Мир логики трех измерений, мир подзаконный, мир догм и морали есть лишь внешнее выражение, описательное изображение духовной действительности. В плане трехмерного сознания, оперируя присутствующими ему методами познания, мы лишь изображаем, но не познаем. Поэтому всякое умствование о вещах духовных по существу тщетно. Смысл внутреннего духовного роста человека состоит именно в том, чтобы понять безвыходность умствования, возмутиться духом, впасть в особого рода безумие. Ибо, если высшее состояние сознания не отрицает прав разума в его области, духовное видение, как мы знаем из писаний и жизни святых, руководствуется своей особой логикой, часто для нас непонятной, порою — противоречащей нашей логике — смущающей, странной. Подобно тому, как Христос, проповедывавший «непонятное» в Назарете, показался братьям своим сумасшедшим, потому что логика Его не сходилась с их логикой, так и разум, возмущившийся против плоскостного, общепринятого представления о вещах духовных, — с точки зрения мудрецов «вѣка сего» юродствует, или безумствует. Но эта способность к безумию — драгоценнейшее в человеке. В столкновении синедриона с рыбаком — Христос на стороне рыбака; Евангелие — это возмущение, неблагополучие, разрушение благополучного «знания человеческого».

Есть особое, можно сказать, эстетическое чувство, особый род вкуса и чувствительности. Люди, интересующиеся духовными вопросами, разделяются на две категории. Для одних как то прирожденно ясно, что единственный путь в духовной области — путь личного опыта, т. е. ряд катастроф-переворотов; вторые — не различают противоречия: пути подзаконного, связанного с изучением как бы науки (науки в университетском смысле этого слова) и пути опыта, перерождения сознания. Эти люди хотят объяснить и истолковать явления высшего измерения, не замечая, что тем самым они их снижают до плоскости умствования.

Невысшим для разума явления Божии врываются в наш земной разум, как явления из другого мира, как «чудо». И, поскольку самое невысшее для разума (Боговоплощение, воскресение из мертвых и т. д.) есть реальность, — это невысшимое вызывает в душе подъем, и душа его принимает как бы шестым чувством, интуицией. Всякая потребность ввести в эту область разсуждения, истолковать себя, объяснить — тем самым уже свидетельствует об отсутствии интуиции; «мудрствование», низводя «чудо» в плоскость обыденного разсуждения, его снижает. Каждое человеческое сердце знает, насколько труден и никогда не благополучен путь «навстречу Богу»: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрию!» Между тем наукообразное «знание» спокойно создает школьную дисциплину, даже не за-

мѣчая всей нечуткости постановки вопроса, напримѣр, о том, каким отказом два естества сочетаются в Богочеловѣкѣ.

Наше время характеризуется остротой ощущенія отношенія чело-вѣка к чело-вѣку. И вѣрующіе и невѣрующіе почувствовали кров-ную связь, кровную заинтересованность чело-вѣка в чело-вѣкѣ. На этом фонѣ, естественно, подвергается пересмотру и форма служенія ближ-нему. В нѣкоторых кругах мы слышим нападки на монашество, как на форму якобы чисто пассивнаго созерцанія, удаляющаго от всяка-го соціальнаго дѣйствія. Идеалу Маріи противопоставляется идеал Марѳы. Очевидно, что всякая дѣятельность в смыслѣ помощи ближ-нему — в духѣ христіанства; но не слишком ли поверхностно понимать так главное дѣло христіанина? Считаюсь с Апокалипсисом, мы не должны обольщать себя мыслью, что Царство Божіе на землѣ можно было бы построить — до Суда. Как бы из-за заботы о хлѣбѣ не за-быть о духѣ! Если весь центр вниманія мы сосредоточим на «орга-низации общественной жизни на христіанских началах», вложим в это всю энергію и неминуемую для непобѣдивших страсти людей стра-стность, то оставит ли нам это внѣшняя дѣятельность время для внутренняго, для «переворота»?

Бергсон очень вѣрно говорит об огромной соціальной роли свя-тых; но они умѣли сначала сосредоточить энергію, дойти до момента, когда Дух прикажет им выйти из затвора и служить людям. Может быть, их временное уединеніе цѣлью своей имѣло как раз не заботу о себѣ, но любовь к людям? Только, в отличіе от ненаученных Ду-хом, они знали, — что для того, чтобы по настоящему помочь друго-му — нужно сначала самому переродиться и очистить себя от стра-стей. Вот почему и воздѣйствіе святых — прямое или косвенное, прижизненное или посмертное, как на отдѣльных людей, так и на цѣлыя народы, — несоизмѣримо с хлопотами Марѳы, которая очень заботится, чтобы физически накормить Христа, но совершенно рав-нодушно проходит мимо бесѣды с Ним, мимо личнаго с Ним об-щенія.

Возраженія докладчику сводились к слѣдующему:

Докладчик борется против малаго разума и против малой любви, это, конечно, не может вызвать возраженій. Но обличенія разума запоздали лѣтъ на 50. Человѣчество давно уже не видит в разумѣ все-разрѣшающаго начала. Нынѣ оно скорѣе живет под знаком ирра-ціональнаго. Новая форма морально-религіознаго сознанія дает воз-можность нѣкоторым подняться на высоты недоступнаго разуму, но большинство впадает при этом в переоцѣнку подсознательнаго, низ-шаго, даже бѣсовскаго. Моменты юродства имѣются, конечно, и в христіанствѣ. Ссылка на индійское ученіе об атманѣ — ничего не объясняет в христіанствѣ, исходящем из других представленій о че-ловѣческой душѣ. Первичный евангельскій опыт, на который ссылает-ся докладчик, есть опыт общенія Христа с учениками. Опредѣленіе

Евангелія как пути личнаго вохожденія к Богу — неправильно. Начало общинности, соборности, откровеніе Бога в челоуѣчествѣ — вот что характерно для ранняго христіанства. Путь вѣдѣнія через аскезу получилъ смыслъ только в эллинизированной церкви, а не в общинѣ первыхъ христіан.

Докладчикъ полагаетъ, что челоуѣческое сознаніе не исчерпывается разумомъ, но это признаютъ и тѣ, кто с уваженіемъ относится къ челоуѣческому разуму, особенно высшіе представители науки. Онъ проповѣдуетъ мистицизмъ, близкій къ индусскому — мистицизмъ освобожденнаго отъ земныхъ соблазновъ и земной дѣятельности челоуѣка, погруженнаго в процессъ восхожденія къ Божеству. Проповѣдь Христа есть проповѣдь погруженія в міръ с его страданіемъ. Какъ можетъ познавшій чувствовать себя счастливымъ в мірѣ муки и страданія?..

Бесѣда десятая, 20 апрѣля 1936 года

Присутствовали: Бунаковъ, Гершенкройфъ, Дикой, Кельберинъ, Кнутъ, Ладинскій, мон. Марія, Мамченко, Мандельштамъ, Мочульскій, Савельевъ, Софійевъ, Ставровъ, Терапіано, Червинская, Шаршунъ, Яновскій.

Вступительное слово мон. Маріи: «Злое чудо».

Всѣ религіозныя системы, за исключеніемъ христіанства, познаются постепенно и раскрываются лишь в самыхъ глубинахъ. Одно лишь христіанство лишено изотеризма, — оно открывается всѣмъ одинаково. Поэтому в каждомъ словѣ христіанскаго ученія есть какъ бы налетъ общедоступности и общеизвѣстности. Но наряду с этимъ — тайна, словно изнутри замкнутая и не поддающаяся раскрытію в логикѣ. Ее можно воспринять лишь в душевномъ опытѣ или молніеноснымъ озареніемъ. Неразрѣшенное до конца таится и в ученіи об антихристѣ. Антихристъ будетъ яко бы искушать видимостью добра, его пародіей. В этомъ толкованіи антихристовыхъ соблазновъ кроется неправильное представленіе о роли добра и зла на землѣ. Добро вѣчно исходитъ отъ Добра, а зло отъ зла. Надъ нами царятъ законы природы, постигаемые разумомъ, но существуютъ и сверх- или под-законы — чудеса. Есть чудеса благодатныя, но несомнѣнно существуютъ и чудеса злыя. В чемъ соблазнъ злыхъ чудес? Не в томъ, конечно, что они обманываютъ и влекутъ своимъ сходствомъ с добромъ. Соблазнъ злыхъ чудесъ в томъ, что почти никто не сомнѣвается в ихъ всемогуществѣ. Сейчасъ ждутъ всеистребляющей войны. Подъ знакомъ этого страшнаго ожиданія проходитъ жизнь народовъ Европы. При этомъ несомнѣнно, что никто войны не хочетъ — и, вопреки разуму, природнымъ законамъ самосохраненія, вопреки желанію всѣхъ людей, это страшное зло совершится. Не есть ли это чудо, поистинѣ злое чудо? В чемъ же его соблазнъ? В парализующей неотвратимости, в глубочайшей увѣрен-

пости, что мы слабѣ злого чуда, что оно столь же неизбѣжно как другое злое чудо — смерть.

Доклад вызвал оживленныя пренія. Приводим основныя возраженія.

Нельзя разсматривать человѣка, как нейтральную силу между божественной силой добра и злой силой дѣвола. Человѣкъ — подобіе Божіе, — слѣдовательно он не может до конца соблазниться побѣдной мощью зла. Бог дал человѣку нѣкую свободу, иначе он был бы до рожденія обречен добру или злу. Но в человѣкѣ заложена тяга к добру в силу участія Бога добра в его созданіи. Слѣдовательно, только добром дано дѣволу искушать человѣка и толкованіе антихриста у Влад. Соловьева вполне послѣдовательно. Напрасно также докладчица называет смерть «злым чудом». Что может быть страшнѣе человѣческаго безсмертія?.. Оно обезкрасило бы жизнь.

Соблазн злого чуда в его силѣ. Человѣку кажется, что зло побѣдно, что методами зла, ставкой на зло цѣли его достигаются быстрѣе. В своей слабости человѣкъ не вѣрит в добро, — вѣрнѣе, в его силу. Здѣсь неразрѣшимая антиномія :невозможно, чтобы зло шло от Бога для испытанія человѣка. Слѣдовательно, зло есть сила виѣ божественной власти, сила довлѣющая себѣ. Но побѣда зла, в особенности соблазн неизбѣжности этой побѣды должны быть невыносимы для Создателя добра и вѣрных ему.

Человѣкъ не нейтрален между добром и злом, но подобіе Божіе в нем чрезвычайно затемнено. Ошибка человѣка в том, что он пытается бороться со злом человѣческими средствами и опираясь только на себя. Дѣвол, несомнѣнно, очень могуч, но человѣкъ переоцѣнивает его могущество, ибо не опирается на Бога. Только безграничная вѣра дает человѣку возможность не быть парализованным зрѣлищем злого чуда.

Бесѣда одиннадцатая, 3-го мая 1936 года

Присутствовали: Блох, И. Бунаков, В. Вейдле, Б. Дикой, Г. Гершенкройн, Г. Иванов, Л. Кельберин, А. Ладинскій, С. Савельев, П. Ставров, Ю. Терапіано, Н. Фельзен, Г. Федотов, Л. Червинская, С. Шаршун, В. Яновскій.

Был заслушан доклад Н. Фельзена на тему: «Мы в Европѣ».

Люди интеллектуально-творческаго склада, бѣжавшіе из совѣтской Россіи, непосредственно не столкнулись с той Европой, какая им когда-то мерещилась, с Европой духовных поисков и непрерывных творческих достиженій — для них реально существуют, за самыми рѣдкими исключеніями, лишь средніе нѣмцы и французы, тяжелый труд, непосильныя заботы, скучное, сѣрое, мѣщанское окруженіе.

Будучи в сторонѣ от европейскаго избраннаго круга, эмигранты должны ощущать реально-близкое его отраженіе и в той буржуазно-

рабочей средѣ, куда случайно каждый заброшен, особенно в больших городах. Эти люди на скромном нашем пути, их чувства, заботы, настроенія нерѣдко описаны в книгах, а улицы, воздух, небо, дома незамѣтно создают как бы фон современного европейскаго искусства. Журналы, газетныя статьи воспринимаются живѣй и обостреннѣй, чѣм если бы мы их читали в Москвѣ или в русской провинціи. Словом, надо только захотѣть — и европейская культура «доходит».

Легче всего говорить о том поколѣніи русских людей, еще не старом, уже не молодом, которое попало во Францію и занято, поглощено литературой. Оно естественно сперва ознакомилось с цѣлым рядом французских писателей десятых и двадцатых годов, с Жидом, Прустом, Мориаком, Валери. Впечатленіе было ошеломляющее — независимо от направленій и таланта, русских читателей не могла не поразить неподдѣльная искренность тона, отсутствіе эффектов и красот, серьезность жизненнаго подхода, все, что помѣнилось еще до войны от бессознательно-грозных предчувствій, что укрѣпилось послѣ войны и трагической ея безутѣшности, что возникало также и в Россіи, у Розанова, Блока, Ахматовой, и было потом заглушено барабанным боем Маяковскаго и казенным Горьковским оптимизмом. Удивило у французов и другое — официальное, мертвое, совѣтское братство у них переименовалось и оживило. вмѣсто туманнаго, абстрактнаго челоуѣчества появился живой челоуѣкъ, страдающій от одиночества и замкнутости, всѣми силами стремящійся к людям, к тому, чтобы как-то преодолѣть неизбѣжную нашу разобщенность, чтобы людей и сблизить, и примирить. Эти книги нас не утѣшали, сближеніе, добро не достигались, но была в них навязчивая прелесть непритворной жизненной правды и неотразимый писательскій личный примѣръ. И Пруст, и Жид, и остальные пытались, каждый по своему, найти из безвыходности выход и в чем-то его находили, нерѣдко сомнительном, искусственном, что заражало меньше, чѣм поиски — в католичествѣ, в творческой работѣ, в особой, теплой концепціи коммунизма или в гордом самодавльннй мысли. Для тѣх, кому недоступны религіозныя и партійныя вѣрованія, для них наиболѣе приемлема именно Прустовская апологія творчества, с ея созданіем жизни, потенциально-возможным в соединеніи любви, вдохновенія и памяти. Такое полнѣйшее сляніе того, что дается нам даром, и того, что достигается долгим трудом, соответствует нашему опыту, и Прустовскій личный примѣръ — великолѣпнаго послѣдняго гуманиста, охватившаго все челоуѣческое, искусства, науки, отношенія и время — этот мучительный творческій подвиг оказался не напрасным и не случайным. Как ни печально, творческая область все очевиднѣе нуждается в защитѣ, и ее, на наших глазах, пытаются снизить, уничтожить взаимно-враждебныя теченія и силы.

Против воли ее подрывают тѣ, кто относится к искусству и творчеству слишком требовательно, любовно-боязливо. Это опасность как

бы изнутри — не меньшая, если не большая, чѣм опасности, грозящая извнѣ. Это как бы сомнѣнія вѣрующих, колебанія и слабость защитников, и — зная предмет своей вѣры так обстоятельно, как не знают враги — они поневолѣ ей паносят самые острые и мѣткіе удары. Их печальный діагноз современности и мрачныя их предсказанія покоются на трех утвержденіях: распадъ человѣческой личности, исчезновеніе христіанской культуры, побѣда и возрастающее вліяніе толпы.

Прежде всего о внутреннем распадѣ, об утерѣ какого-то нашего единства — это ошибка, и для меня ея опроверженіе приблизительно сводится к слѣдующему: душевный мір с вѣками усложняется и должна усложниться его передача, анализ становится тщательнѣй, а синтез труднѣе уловим, и люди слишком нетерпѣливые, привыкшіе к иным образцам, до синтеза добраться не могут и заблуждаются вполнѣ добросовѣстно. Между тѣм для писателя открылась необъятная область безсознательнаго, и ему от нея не уйти. Вопрос не в том, что это полезно или что это — праздное любопытство, заслоняющее важнѣйшія, вѣчныя темы, вопрос надо ставить иначе: мы так устроены природой, что на вещи, однажды увидѣнныя, мы глаз уже не закрываем, и стараемся в них разобраться — до предѣла, почти безпредѣльно. В этой новой таинственной области, конечно, легко заблудиться, вмѣсто выбора заняться перечисленіем, утратить порядок и форму, подчиниться душевному хаосу, и пожалуй в таком-то именно смыслѣ представляется странно разрозненным, геніальной и обидной неудачей незавершенное творчество Джойса, но это не предрѣшает дальнѣйших неудач, не умаляет явныхъ достижений, пускай их немного у даже одно, зато подтверждающее возможность успѣха, и главное, в наибольшей сложности возможность сохраненія цѣльности.

На этомъ я остановился, не потому что хотѣлъ защищать какое-то, мнѣ близкое теченіе, а потому что этотъ вопрос — об усложненіи или о распадѣ, о внутреннемъ нашемъ единствѣ — едва ли не самый основной для будущаго культуры и, в частности, искусства. Если на высшей ступени культуры единство безнадежно утрачивается, то остается одно — капитулировать передъ варварской и грубой толпой: в ней есть еще душевная свѣжесть, человекъ из толпы как бы дѣвственная почва и в состояніи что-то создать примитивное, но цѣльное и страстное, на что уже неспособенъ человекъ, проникнутый культурой. Только надо из этого сдѣлать неизбежный трагическій вывод: весь пройденный, трудный, мучительный путь тогда повторяется сначала, и правы циклическія теоріи, но, конечно, «руки опускаются». Вопрос о единствѣ — в самомъ центрѣ сегодняшней темы о нашемъ «романѣ с Европой»: усвоив, угадавъ ея мечты, постаравшись понять ея усилія, мы восприняли и всѣ ея сомнѣнія, и многіе из нас их ощущаютъ с остротой, европейцамъ неведомой.

Второй вопрос, не менее важный — о том, что современная культура целиком создана христианством и на него уже не опирается, без чего сохраниться не может. Вопрос и деликатный и сложный, и надо к нему подойти со всей нам доступной добросовестностью и с чувством исторической реальности. Без натяжки культура и христианство не сливаются, да и не в очень многом совпадают. Была и дохристианская культура, чуть ли не полностью вошедшая в нашу, была и послѣ-христианская, как она с христианством ни связана. Конечно, гуманизм и ренессанс, и братство французской революции, и лучшее, что есть в социализмѣ, и все искусство послѣдних вѣков еще преимущественно-близко христианству, но отрыв несомнѣнно произошел: вѣдь утеряно главное — вѣра, измѣнилась и жизненная, и творческая тональность, а люди, попрежнему вѣрующіе, творят, если рождаются творцами, в этой новой, измѣненной тональности. И нельзя отрицать, что послѣ-христианская Европа создала огромныя цѣнности, и эти цѣнности не отзвук, не отблеск ушедшаго прекраснаго міра, но какой-то самостоятельный мір. И в теперешней смертельной борьбѣ за добро, за личность и свободу против ненависти, классов и рас, христиане лишь желанные союзники среди других, не менее надежных, однако, не единственные бойцы, как иные из них себя представляют.

Третій довод, выдвигаемый тѣми, кто нас предупреждают о гибели культуры — опасное вліяніе толпы, поощряющей изнанку культуры и равнодушной, даже враждебной к возвышенным ея достижениям. В этом много печальнаго и вѣрнаго. В большинствѣ современных демократій, особенно тѣх, что возникли внезапно, по приказу революціонныхъ властей, без долгаго переходнаго опыта, в них массы павно повѣрили обѣщаніямъ партій, вождей, иногда взволнованно-искренним, и отказались от права собой управлять, добровольно подчинившись диктаторам. В дальнѣйшемъ громоздкій аппаратъ диктатуры, в разныхъ странахъ с одинаковой неумолимой послѣдовательностью, умертвил все дѣйственно-живое и в культурныхъ и в народныхъ слояхъ, и будетъ неумовѣрно тяжело не только рабство прекратить, но и внушить вчерашнимъ рабамъ неизвѣстное имъ чувство свободы, и пожалуй еще тяжелѣе будетъ найти ту мѣру свободы, которая в нихъ не разбудитъ неодолимыхъ, анархическихъ инстинктовъ. Но и в странахъ либерально-устойчивыхъ — безсознательно, от дѣтскаго невѣдѣнія — и тѣмъ грознѣе массы наступаютъ на области высшей культуры, соблазняя многихъ ея дѣятелей широко оплаченнымъ, грубымъ «заказомъ» и легкой славой, наградой за безвкусицу, карая непокорныхъ презрѣніемъ, жестокой неизбежной нищетой. К сожалѣнію, газеты, кинематографъ, издательства потворствуютъ этой безвкусицѣ, и незамѣтно она распространяется, вытѣсняя достойное и лучшее. Я вовсе не хочу утверждать, что прежде было идеально, что буржуазія, аристократія, придворные круги понимали искусство, научныя открытія, но ихъ спасала традиція снобизма. Теперь побѣждаемымъ классамъ, в изнурительной борьбѣ за свое

современной литературѣ произведеній, превосходящихъ творенія этихъ авторовъ и «по анализу» и «по синтезу»? Художникъ не лаборантъ. Его способность къ тому, что докладчикъ называетъ синтезомъ, не зависитъ отъ душевно сложнаго или примитивнаго объекта наблюденія. Источникъ «синтеза» въ самой душѣ художника и обмеленіе этого источника происходитъ совсѣмъ не по причинѣ усложненія наблюдаемаго душевнаго міра. Тѣ, кто говорятъ о распадѣ человѣческой личности, указываютъ на это, какъ на тревожную тенденцію; не исключена, конечно, и въ наши дни возможность творческаго синтеза у великихъ, подлинныхъ художниковъ, но элементовъ, питающихъ эту возможность, становится въ жизни все меньше. Указаніе докладчика, что, согласившись съ наличиемъ распада личности въ нашу эпоху, мы тѣмъ самымъ будемъ вынуждены признать смѣну культурныхъ цикловъ — есть скорѣе подтвержденіе, чѣмъ возраженіе. Мы дѣйствительно стоимъ на грани закончившагося культурнаго цикла и распадъ этимъ и обусловленъ.

Почему докладчикъ думаетъ, что если искусство питалось идеями, составляющими сущность христіанства, — до историческаго христіанства или послѣ паденія вѣры, то тѣмъ самымъ оно было внѣхристіанскимъ?.. Европу XIX вѣка и даже нашихъ дней никакъ нельзя назвать «послѣхристіанскою», какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Не принадлежатъ ли французскіе писатели, о которыхъ такъ любовно говорилъ докладчикъ, къ христіанской и даже церковно-католической средѣ французскаго общества. Вѣра угасаетъ, но даетъ еще достаточно тепла для возвращенія великихъ произведеній искусства. Для этого вовсе не необходимо, чтобы художникъ сознательно ощущалъ свою принадлежность къ религіозной общинѣ. Христіанствомъ или его наслѣдіемъ онъ питается часто безсознательно.

Толпа презрѣнна и не для черни пишетъ поэтъ. Зависимость славы и матеріальнаго благополучія художника отъ пріемлемости его твореній для массъ, лишенный элементарнаго вкуса — явленіе печальное, содѣйствующее деградации искусства. Но такъ ли ужъ правъ докладчикъ въ своемъ прямолинейномъ обобщеніи? Во всѣ времена поэты презирали чернь, но никогда не мечтали о томъ, чтобы ихъ творенія были пріемлемы для узкаго круга лицъ съ повышеннымъ вкусомъ.

Творцы шедевровъ итальянской живописи врядъ ли писали своихъ мадоннъ для людей, разбирающихся въ «изыскахъ». «Традиція снобизма», которой докладчикъ придаетъ совершенно незаслуженное значеніе, стимулировала искусство какъ разъ въ эпохи его упадка и подъ опекой «снобизма» возвращались и рафинированныя, внѣжизненные стилизаціи, вѣкъ которыхъ былъ оченьъ коротокъ. Не для «снобовъ» и не для «черни» творитъ художникъ. И Шекспира и Толстого, вѣроятно, оченьъ удивило бы, если бы имъ сказали, что ихъ искусство спасаетъ традиція «снобизма»...